

Размеры России: геополитические выводы из геоэкономических сравнений¹

Госкомстат публикует итоги
международных сопоставлений

В официальных статистических изданиях последних лет опубликованы интересные материалы Программы международных сопоставлений, в которых с недавнего времени принимает участие также и наша страна. В 1995 г. применительно к России эти цифры были уточнены объединенной группой специалистов Госкомстата и Всемирного банка, причем уточнение это официально принято Гос-

¹ В настоящей работе использованы расчеты, осуществленные совместно с Л. А. Фридманом (см *Гордон Л, Фридман Л* Россия — великая держава второго ранга // *Независимая газета* 1995 4 апр)

комстатом¹. Одновременно в журнале Госкомстата приведены дополнительные расчеты, базирующиеся на данных той же программы². Все это впервые вводит в научный оборот достоверные материалы, позволяющие соотнести обобщенные показатели состояния экономики России и других государств, их валовой внутренний продукт (ВВП).

Разумеется, очень многое, пожалуй, даже самое глубокое в соотношении одной страны с другой можно (и нужно) выявлять с помощью качественного описания, исторического и социально-культурного анализа. Однако некоторые стороны их геоэкономического и отчасти геополитического положения лучше всего показывают именно цифры. Это относится, во-первых, к определению уровня экономического и народнохозяйственного развития, характеризуемого величиной ВВП на душу населения. И во-вторых, к оценке общего масштаба, так сказать, размера экономики той или иной страны в данный момент времени, ее текущей экономической силы или экономической мощи, измеряемой совокупной величиной ВВП в это время.

Очень важно также, что в Программе международных сопоставлений сравнения делаются на основе реального соотношения цен, которые выражают различия ВВП отдельных стран гораздо точнее, чем текущие курсы валют. К тому же в ней участвуют официальные статистические органы стран, по которым ведутся сопоставления. Результаты публикуются в единых денежных единицах (обычно в долларах) или процентах от наивысших показателей. В итоге сопоставление получается, насколько возможно, надежным, взаимно согласованным, и в то же время прозрачно ясным, очевидным, как дважды два.

Последнее особенно существенно, когда сопоставление приводит к непривычным выводам. Скажем, когда оно показывает не просто количественные сдвиги, но качественное снижение геоэкономического (а значит и геополитического) положения страны. Десятилетия, а то и столетия страна занимает определенное место в негласной, но реальной экономической, политической, военной иерархии государств. Представление об этом месте утверждается в сознании и, что еще важнее, в подсознании ее граждан и соседей. Сама страна и все международное сообщество строит реальную политику в соответствии с таким представлением. Однако наступает время (нередко наступает внезапно, неожиданно для массового сознания), когда относительная сила страны резко уменьшается. Так было в XVII в. с Испанией, считавшейся до того сильнейшей державой мира, и с Голландией, соперничавшей на морях с Англией;

¹ См. в частности: Российский статистический ежегодник. 1995. М., 1995. С. 471—473; Социально-экономическое положение России. 1995. № 12. М., 1996. С. 12—15; Вестник статистики. 1995. № 11. С. 61—65

² Гельвановский М., Жуковская В., Трофимова И., Чертко Н., Бушмарин И. Сравнительный анализ положения России в мировой экономике в начале 90-х годов // Российский статистический ежегодник 1995. М., 1995.

в XVIII а — со Швецией, чьи солдаты прежде громили армии половины Европы, в XIX в. — с Китаем, в начале XX в. — с Австро-Венгрией. Осознание нового соотношения, привыкание к нему — сложный и зачастую болезненный процесс. Особенно плохо, если это привыкание затягивается надолго, если массовое сознание упорно отказывается признать реальность и сделать из нее политические выводы. Вот тут-то полезно взглянуть в отрезвляющее зеркало надежных и ясных показателей. Подумать над показателями международных сравнений стоит и нам, ибо Россия сегодня переживает период ослабления и смены привычного положения в соотношении мировых держав (табл.). Соотношение стран по общему объему ВВП и уровню ВВП в расчете на душу населения (соответствующие показатели США = 100%)

Страны	ВВП в расчете на душу населения		Общий объем ВВП	
	1985 г	1992- 1993 гг	1985 г	1992-1993 гг
<i>Крупнейшие экономически развитые страны с рыночно-капиталистической экономикой</i>				
Япония	71	84	36	41
Германия	74*	68**	18*	24**
Франция	69	77	16	17
Италия	66	72	16	16
Великобритания	66		16	16
<i>СССР — Россия</i>				
СССР	37***	—	43***	—
Россия	—	20-25	—	10-15
<i>Крупнейшие развивающиеся страны</i>				
Китай	6	9	28	42
Индия	5	5	16	15
Бразилия	26	22	16	14
<i>Некоторые соседи СССР — России</i>				
Польша	25	20	4	3
Турция	22	16	5	5
Иран	28	22	6	5
Южная Корея	24	39	4	6

*ФРГ в границах 1985 г

** Объединенная Германия в современных границах.

*** По данным экспериментального расчета Госкомстата СССР, произведенного в 80-е годы. В настоящее время ряд новых материалов дает основание думать, что цифры по СССР в этом расчете были несколько преувеличены. Составлено по итогам Программы международных сопоставлений, обнародованной в официальных публикациях Госкомстата: Российский статистический ежегодник. 1995. М., 1995 С. 472—473; СССР и зарубежные страны 1990. М., 1991. С. 52 Приведенные в них цифры характеризуют положение преимущественно на 1985 и 1993 гг.; для России учтены поправки, сделанные объединенным комитетом специалистов Госкомстата РФ и МБРФ в 1995 г. См.. Вестник статистики. 1995 №11 С. 61—65.

Иерархия уровней экономического развития

Начать, впрочем, стоит не с изменений, а как раз с тех показателей, которые не меняются или меняются не слишком значительно. В этом смысле очень интересны удельные характеристики ВВП, прежде всего данные о валовом внутреннем продукте в расчете на душу населения. От удельной величины ВВП, в конечном счете, зависит жизненный уровень и качество жизни, здоровье народа, его образованность, массовая культура, состояние систем социального обслуживания и т.п. В общем и целом сравнительная величина ВВП на душу населения выражает экономическую развитость страны, стадию ее экономического и технико-технологического прогресса, принадлежность к традиционным, доиндустриальным или индустриальным и постиндустриальным обществам.

В широком историческом смысле именно среднедушевой ВВП лучше, чем что-либо еще, передает экономический потенциал и перспективы страны. Тем важнее, что соотношение удельных показателей ВВП России и других стран на протяжении 80—90-х годов качественно не изменилось. Конечно, кризис, обусловленный разрушением государственного социализма и хаосом становления рыночной системы, привел к очень существенному падению ВВП. В расчете на душу населения в 1990—1994 гг. он уменьшился примерно в 1,5 раза. В конце 80-х годов по этому показателю мы уступали наиболее развитым капиталистическим государствам в 2—3 раза, теперь — в 3—4 раза. Но, как раньше, так и теперь, по уровню ВВП на душу населения Россия принадлежит к той же категории государств, что и Португалия, Греция, Мексика, Аргентина, Уругвай, Венгрия, Болгария, Польша. Как вчера, так и сегодня, она во много раз превосходит большинство развивающихся стран Азии, Африки, Латинской Америки.

Иными словами, Россия остается экономически более или менее развитой страной, находящейся на индустриальной и отчасти научно-индустриальной ступени народнохозяйственного развития. Ее производительные силы качественно отличаются от производительных сил третьего мира, и, наоборот, принципиально не отличаются от Запада. У нас тот же тип квалификации работников, тот же класс машин и механизмов. К несчастью, долгое время в России господствуют иные производственные отношения, иная социальная организация, и именно эти обстоятельства мешают достичь западной производительности. С этой точки зрения международное сравнение удельных показателей ВВП отнюдь не безнадежно для России. Отражая падение, оно вместе с тем свидетельствует, что это все-таки падение в пределах одной и той же стадии. Если мы не совершим слишком грубых ошибок, вынесем тяготы переходного времени и не подда-

димся безумию повторного (как в начале века) срыва в утопию, если в стране создадутся условия для роста современных социально ориентированных капиталистических отношений, Россия уже в обозримом будущем сможет восстановить удельные показатели ВВП, а затем начнет приближаться к западным показателям.

Конечно, не надо ждать чудес. Чтобы сравняться с США, Германией, Францией, Австралией и другими странами по душевому ВВП, потребуется одно-два поколения. Запад ведь тоже не будет стоять на месте. Но что касается таких стран как Испания, Ирландия, Греция, Португалия, Чили, т.е. стран, находящихся принципиально на той же стадии развития производительных сил, что и Россия, их показатели ВВП на душу населения (соответственно, уровень и качество жизни) в случае успеха реформ могут быть достигнуты в обозримом будущем. В ближайшие годы это и есть здравая, реалистическая, а не бессмысленно-утопическая перспектива России.

Экономические размеры СССР

Существенно иначе обстоит дело с соотношением абсолютных величин совокупного ВВП, характеризующих не уровень экономической развитости, но текущий масштаб производства, производственно-экономические размеры страны. В свою очередь, от них во многом зависит военно-политическая сила страны, ее геоэкономический и геополитический вес. Здесь за последнее десятилетие произошел качественный сдвиг. По масштабам производства, по абсолютной мощи экономики Россия на длительное время (а может быть и навсегда) сместилась в принципиально иную геоэкономическую категорию.

На протяжении почти 40 лет после второй мировой войны Советский Союз, несмотря на то, что по уровню экономического развития **он** стоял где-то в третьем десятке стран, прочно занимал второе место в мире по абсолютной экономической силе. Совокупный ВВП СССР в это время составлял от 1/3 до 2/5 соответствующего показателя США. Все остальные великие державы по экономической мощи уступали экономике Советского Союза, в большинстве случаев даже не на проценты, а в разы. В 60—70-е годы ни Германия, ни Япония, ни Франция, ни Великобритания, ни Китай по своим экономическим размерам не могли равняться с нами. Прочие государства, во всяком случае те, что входили в сферу геополитических интересов СССР, абсолютно уступали нам даже все вместе взятые.

Изменение мировой геоэкономической ситуации

За последнее десятилетие ситуация изменилась коренным образом. В отличие от среднедушевых показателей абсолютные разме-

ры российской экономики сократились качественно. Ведь изменение совокупного ВВП зависит не только от движения его удельных характеристик, но и от того, меняются (или не меняются) масштабы страны, численность ее населения, величина производственного аппарата. Россия 90-х годов едва ли не вдвое меньше Советского Союза 70—80-х годов. Мультипликационные эффекты одновременного сокращения производительности, душевого ВВП в момент переходного кризиса и совпавшего с ним распада СССР привели к тому, что по численности населения, по размерам экономики, по ее мощи нынешняя Россия сравнительно с Советским Союзом оказалась державой иного класса. Учитывая, что в этот же период многие страны, в том числе некоторые наши соседи (Китай и Япония в первую очередь) заметно прибавили, неудивительно, что с точки зрения экономической силы Россия относится теперь к совершенно другой категории стран, нежели та, к которой принадлежал СССР.

В производственно-экономическом смысле Россия сейчас не сверхдержава, какой она была в течение 40 лет после второй мировой войны, и даже не великая держава первого ранга, как в первые 40 лет XX в. В современном мире осталась только одна сверхдержава — США. Сегодня на планете нет ни одного государства, абсолютные размеры экономики которого достигали хотя бы половины совокупного американского ВВП.

Такое же соотношение существовало, правда, и раньше, когда советское производство по своим размерам вдвое или втрое уступало американскому. Но тогда исторически сложившийся ядерный паритет, геополитические последствия победы над Германией и не до конца затухшая пассионарность коммунизма позволяли СССР занимать положение второй сверхдержавы. Теперь этих дополнительных обстоятельств нет. Государства, объем ВВП у каждого из которых составляет сегодня 1/4, 1/3, 1/2 американского (как раньше у нас), нельзя считать вторыми сверхдержавами, какой был СССР. Пожалуй, точнее говорить о них, как о великих державах первого ранга или сильнейших великих державах, подчеркивая тем самым разнонаправленное отличие этой категории, с одной стороны, от США, с другой — от прочих государств, традиционно относимых к великим державам.

Нет ничего неожиданного, что по геоэкономическим показателям к великим державам первого ранга в мире 90-х годов относятся Япония (свыше 40% американского ВВП) и Германия (20—30%). Может показаться невероятным, что в наши дни сюда же попадает Китай, у которого совокупный ВВП, подобно Японии, составляет более 40% соответствующих показателей США. Тем не менее это так. Никто не знает, насколько прочно нынешнее положение Китая. Но сегодня он, несомненно, принадлежит если не к сверхдержавам, то к великим державам первого ранга.

Разумеется, по уровню развития, в том числе экономического, по стандартам благосостояния и образования между Китаем и Японией или Германией пропасть. Но гигантская численность населения (в Китае живет четверть человечества) и стремительность народнохозяйственного подъема в 80—90-е годы (чуть ли не по 10% в год) сделали абсолютные размеры китайской экономики по крайней мере сопоставимыми с масштабами экономики японской или немецкой. Превращение Китая в страну, по абсолютной экономической силе стоящую (вместе с Японией и Германией) на второй ступени международной геоэкономической, а может быть и геополитической иерархии, образует одну из самых поразительных перемен в мире 90-х годов.

Уменьшение экономических размеров России

Тот факт, что Россия по абсолютному масштабу своей экономики, по текущей экономической силе, не только не превосходит Японию, Китай, Германию, но в несколько раз уступает им, отражает другой важнейший сдвиг в соотношении мировых сил конца XX в. Современная Россия, переживающая переходный кризисный период и включающая лишь около половины советского народнохозяйственного комплекса, производит, считая округленно, лишь около 10—15% американского ВВП и по размерам своей экономики примыкает сегодня к великим державам, так сказать, второго ранга. К этой категории, наряду с Россией, относятся сейчас Франция (17% ВВП США), Италия (16%), Великобритания (16%). Примерно те же абсолютные масштабы имеет ныне экономика гигантов третьего мира — Индии, Бразилии, хотя по уровню развития (душевому ВВП) им еще только предстоит утвердиться в ряду индустриальных стран.

Положение великой державы второго ранга означает также, что многие наши непосредственные соседи, вроде Турции, Ирана, Польши, экономическая сила которых вчера еще просто не шла ни в какое сравнение с советской, сегодня уступают нам только в 3—4 раза. Объединившись, они по объемам производства могут оказаться сопоставимыми с Россией.

Спору нет, у нас до сих пор сохраняются некоторые унаследованные от СССР компоненты мировой ядерной мощи. Однако формально отличая Россию от Франции, Великобритании, Китая, эти компоненты не делают нас сверхдержавой. Теперешний потенциал российской экономики не позволяет (и не позволит в обозримом будущем) подерживать и воспроизводить еще имеющиеся элементы прежнего ядерного могущества в качестве глобальной системы, сопоставимой с американской. Так что и по военной силе Россия тяготеет теперь не к американскому, а к англо-французскому уровню.

В долговременной исторической перспективе было бы неверно ставить здесь точку. Население России превосходит население Японии и Германии, а природные богатства и пространства открывают перед нами возможности, вообще отсутствующие у этих двух стран. Так что со временем, когда у нас устоятся новые общественные отношения, изменится трудовая мораль, будут преодолены разрушительные последствия переходного периода, Россия по абсолютному размеру производства вполне сможет снова достичь японских и немецких масштабов или превзойти их. Если же СНГ станет реальным экономическим организмом, откроется возможность восстановления экономической размерности того класса, каким обладал СССР. Правда, экономические размеры иных государств, особенно тех, которые охватываются интеграционными процессами в Европе, также могут измениться коренным образом. Но в любом случае это проблема того, что называют длинной волной истории. Сегодня и завтра мы в мировой геоэкономической иерархии занимаем положение великой державы второго ранга.

Конец сверхдержавия — не катастрофа

Ситуацию превращения России из сверхдержавы в великую державу второго ранга не стоит чрезмерно драматизировать. Объемы ВВП, используемые в связи с этим в качестве основного критерия, хорошо показывают количественные различия в размерах экономики той или иной страны. Но они далеко не полностью характеризуют ее качество, в первую очередь, душу экономики — работника и его квалификацию. В России большинство составляют работники развитой индустриальной и частично научно-индустриальной квалификации, тогда как в Индии или Китае преобладают работники доиндустриального и раннеиндустриального типа. Соответственно, абсолютное количественное превосходство размеров китайской экономики сравнительно с российской не столь уж абсолютно, а равенство индийской не так уж тождественно. Вместе с тем, учитывая качественные различия, надо признать, что по экономическому потенциалу и силе Россия отстает от США, Японии, крупных стран Западной Европы больше, чем показывает одно только сопоставление массы ВВП.

Еще важнее помнить, что даже качественное понижение абсолютной экономической мощи и объемов ВВП отнюдь не обязательно ведет к экономической и социальной катастрофе. Катастрофа возникает тогда, когда кардинальное сокращение объемов ВВП сочетается со столь же резким уменьшением ВВП на душу населения, в конечном счете означая падение производительности. Если же, как это до сих пор происходило у нас, качественные перемены в геоэкономическом положении обусловлены не столько снижением

душевых показателей ВВП, сколько разделением страны, уменьшением ее населения и масштабов народного хозяйства, следствия их могут быть самыми различными.

В одних случаях, когда распад государства приводит к всеобъемлющей гражданской войне, он действительно выливается в горчайшую национальную катастрофу. Югославское безумие дает пример этого рода в наши дни. В других обстоятельствах сокращение территорий и абсолютной мощи, напротив, сразу же оборачивается очевидным благом. Великобритания и Франция только выиграли, освободившись от колоний, включая те, где значительную часть или даже большинство жителей составляло англоязычное и франкоязычное население (британские доминионы, французский Алжир). Еще типичнее ситуации, в которых уменьшение размеров или распад страны, создавая серьезные трудности (преимущественно социально-политического характера), тем не менее отнюдь не обязательно загоняет общество в безвыходный тупик. Так обстояло дело с Германией после разгрома гитлеризма и, похоже, сейчас так же обстоит дело с Россией.

В конце концов, главные факторы народного благополучия больше связаны не с абсолютными размерами производства, а с его эффективностью и качеством, прежде всего, с производительностью труда. Именно от них в решающей мере зависит удовлетворение потребностей, развитие систем жизнеобеспечения, доступность культуры. Условия жизни человека определяются не столько совокупной массой общественного богатства, сколько тем, много или мало благ приходится на каждого человека. Эти условия, в свою очередь, влияют на нравы, мораль, образ жизни народа, создавая более или менее благоприятную почву для органического роста гражданского общества и демократии. Так что потеря сверхдержавного статуса отнюдь не лишает Россию возможностей социального прогресса и процветания. В длительной исторической перспективе англичане и шведы стали жить лучше после того, как Британия перестала быть владычицей морей, а Швеция — угрозой Европы.

Распад СССР как расплата за перенапряжение "холодной войны"

При всем том было бы ошибкой впадать в иную крайность. Возможность преобразования, реформ, подъема удельных экономических показателей действительно сохраняется (или даже увеличивается) и на суженной геополитической базе. Но они (эти возможности) реализуются не автоматически, а лишь через сознательные и рациональные действия общественных сил, при условии благоразумия и доброй воли народного большинства. В том числе при условии, что и элита и массы будут учитывать новое геозко-

номическое и геополитическое положение, создаваемое абсолютным ослаблением страны. Самое решительное сокращение геоэкономической и геополитической мощи отнюдь не обязательно должно обернуться катастрофой. Но оно может стать началом катастрофы, если общество не будет считаться с изменившейся объективной реальностью. Более того, фанатичное стремление удержать геополитические позиции, не соответствующие фактическому геоэкономическому потенциалу, сделает катастрофу неизбежной.

Свидетельство тому — наша собственная и совсем недавняя история. Воображение современников не может не поражать обвальный, почти мгновенный крах советской системы и Советского Союза. Не изменение советского общества — причины невозможности сохранять прежние порядки в неизменном виде сравнительно понятны, — но именно его тотальный развал. Неясно не то, почему развернулся кризис реального социализма, но то, почему он принял в СССР столь стремительный и неожиданный характер. На одни только ошибки или недомыслие руководителей этого не спишешь.

Надо искать более фундаментальные причины. Оставим в стороне бессмыслицы о жидо-масонских кознях, вторжениях космического зла, заговорах ЦРУ и тому подобные суждения, рождающиеся в туманном и невежественном сознании постсоветских идеологических образований (а также в очень ясном и рациональном сознании тех, кто хочет использовать массовую растерянность в собственных, хорошо рассчитанных интересах). Имеются более простые и более убедительные объяснения, связанные с последствиями длительного перенапряжения национальных сил.

Несколько десятилетий, вплоть до конца 80-х годов, СССР и другие страны Варшавского договора вели "холодную войну" с государствами атлантического и тихоокеанского союзов. В этой войне Советский Союз пытался идти наравне с США, чья экономика, как уже говорилось, по своим абсолютным размерам в 2—3 раза превышала советскую. Если же принять в расчет соотношение не СССР—США, а страны Варшавского договора — страны НАТО, неравенство станет еще более разительным. Тем не менее годы и десятилетия мы поддерживали военный и военно-экономический паритет. Советские властители считали это своим крупнейшим достижением. Быть может, они и в самом деле верили, что таким путем предотвращают мировую войну, хотя то, что никакой мировой войны не возникло и после того, как в 90-е годы военный паритет исчез, показывает ошибочность подобного убеждения.

Но так или иначе почти полвека чрезмерного перенапряжения не прошли даром для нас. Тем более, что оно последовало сразу же за нечеловеческим усилием Великой Отечественной войны, в которой действительно решалось дело жизни и смерти России, когда

по словам Твардовского "было все на кону". Тяготы войны с Германией СССР выдержал потому, что очевидность национальной опасности вызвала готовность к жертвам, и вследствие того, что масштабы советской и немецкой экономики были сопоставимы, а экономический потенциал всей антигитлеровской коалиции превосходил силу Германии и подчиненной ей Европы.

Последующее 40-летнее усилие идти вровень с вдвое или втрое более сильным противником оказалось чрезмерным. К тому же и противник был наполовину воображаемым. В отличие от Гитлера, в 50—70-е годы никто всерьез не думал покорять СССР. Подсознательное ощущение этого (не говоря уж о его ясном понимании) делало перенапряжение еще более губительным.

В итоге перенапряжение подточило экономику Советского Союза, сделало ее однобокой, утяжеленной, военно ориентированной и одновременно лишенной резервов, устойчивости, истощенной до последней степени. Взрывающиеся атомные станции, рвущиеся нефтепроводы и теплотрассы, выходящие из строя железные дороги, авиационные катастрофы последних лет — все это не только проявления нынешнего кризиса, но и следствие десятилетий недоинвестирования, работы на износ, стремления любой ценой достичь равной с Западом военно-промышленной мощи, имея $1/3$ или $1/4$ его потенциала. Надорванность экономики, а с ней всего социального организма явились одним из самых существенных факторов, обусловивших такой ход событий, при котором переходный кризисный период, сопровождающий необходимые и благие перемены, принял в СССР исключительно тяжелые формы.

Новая реальность — новая политика

Жизнь не обманешь. "И невозможное возможно, дорога дальняя близка", — верно и прекрасно только в поэтическом мире. Мир реальной политики устроен иначе. Здесь возможно только возможное. Поэтому сегодня так важно для нас учесть уроки "холодной войны" и осознать смертельную опасность непосильных устремлений. Став из сверхдержавы великой державой второго ранга, Россия сможет успешно развиваться, лишь соразмеряя свою политику с этим фундаментальным обстоятельством. Мало что может быть страшнее для нас осознанной или неосознанной попытки занять в мире то же геэкономическое и геополитическое положение, какое занимал Советский Союз. Наши сравнительные экономические размеры сегодня вдвое меньше размеров СССР; напротив, относительная экономическая мощь многих других стран возросла. Нам нужно самоограничиться, исходя из этой жесткой реальности.

Понятно, что в первую очередь это относится к военной и военно-научной политике, а также к силовым аспектам внешней политики. Сегодня и в ближайшем будущем Россия не может стремиться к военному равенству с США или НАТО. Абсолютный масштаб нашей экономики соответствует теперь масштабу экономик Англии и Франции. Грубо говоря, российская военная мощь должна равняться на военную силу этих стран, взятых в отдельности, а не на химеры военного паритета со всем миром, к которому стремился СССР 60—70-х годов.

Разумеется, у нас есть свои потребности, связанные с размерами территории, границ, спецификой соседей, особой ролью в СНГ и т.п. Однако житейская мудрость соотношения "одежек" и "ножек", в конечном счете, верна и в приложении к обществу в целом. Россия не может тратить на армию и флот больше, чем тратят страны масштаба Великобритании и Франции. Скорее даже меньше, учитывая территориальную необходимость иметь более многочисленные пограничные войска и повышенную кризисную потребность в силах поддержания внутреннего общественного порядка.

Тем поразительнее постоянно возобновляющиеся призывы строить отношения с внешним миром с позиции силы, сохранять ядерно-космический паритет, опасаться сближения с Западом. Между тем, у России нет другого пути, кроме тесного сотрудничества с мировым сообществом, особенно с демократическими странами, кроме развития наднациональных организаций и наднационального права. На пороге XXI в. в отличие от того, что было в прошлом, такой путь не представляется абсолютной утопией. Вопреки злобно-вульгарной ксенофобии человечество в наши дни может стать единым и мирным. Может, конечно, не значит, что обязательно станет. На земле достаточно противников всемирного единства — и у нас и на Западе. Но стремление к этой великой цели сейчас не так безнадежно, как прежде. А для России оно просто необходимо. Иначе нам, с нашими огромными просторами и нынешней ограниченной силой, просто не устоять.